

Родился Ээро Хаапалайнен 27 октября 1880 г. в городе Куопио в семье рабочего. Его отец Ааро Фредрик Хаапалайнен (1838–1918) был плотником, а мать Миина (Вильгельмина) ткала дома материи для магазина тканей Минны Кант[9]. Семья была большая, но родители, мечтая сделать из сына священника, сумели дать ему неплохое образование. Впрочем, сам он еще в школьные годы начал зарабатывать себе на жизнь, обучая истории и математике сыновей катушечного фабриканта Саастомойнена. Окончив реальное училище и двухгодичные курсы Коммерческого института, Хаапалайнен в 1901 г. на ссуду, полученную от Саастомойнена, поступил на юридический факультет Хельсинкского университета, где проучился четыре года, но из-за нехватки средств окончить его не смог [10]. Мешало учёбе и то, что в совсем юном возрасте он связал свою жизнь с рабочим движением.

В среде академической молодежи в то время весьма популярны были радикальные идеи и горячий, порывистый Хаапалайнен не смог остаться в стороне от активной политической жизни столицы. В 1903 г. он вступает в профсоюз деревообработчиков, становится членом Социал-демократической партии Финляндии (СДПФ) и редактором рабочей газеты «Tuömies»[11]. В партии Хаапалайнен относился к левому крылу, горячо выступая за революционные методы борьбы: многие молодые люди его поколения тогда настолько верили в идеалы социализма, что были готовы защищать их с оружием в руках. Он с головой окунулся в события 1905 г., став одним из организаторов Красной гвардии.

Очевидно, немаловажную роль в становлении политических взглядов Хаапалайнена сыграло его близкое знакомство с российскими большевиками. Он был участником ряда их партийных конференций, в 1906 г. представлял СДПФ на IV съезде РСДРП в Стокгольме, где было зачитано его заявление о резко отрицательном отношении финских социал-демократов к участию в выборах в Государственную думу[12]. Вместе с Юхо Сааристо Хаапалайнен входил в состав финляндской военной организации РСДРП, закупавшей в Финляндии в массовом количестве оружие для боевых дружин большевиков[13]. Он был представителем СДПФ в подпольном комитете по подготовке Свеаборгского восстания и принял в нём активное участие. За импульсивный, взрывной характер товарищи по оружию прозвали Хаапалайнена «Свирепый Ээро» (Hurja-Eero) и долго ещё с ностальгией вспоминали его вооружённые авантюры во время восстания в Свеаборге[14].

В апреле 1907 г. в Тампере состоялся учредительный съезд Профессиональной организации

Финляндии (ПОФ, фин.: Suomen Ammattijärjestö, SAJ), объединившей 18 профсоюзов страны, на котором Ээро Хаапалайнен был избран первым председателем нового союза[15]. На съезде присутствовало 365 официальных делегатов, представлявших примерно 40 тысяч рабочих[16]. Об известности и популярности Хаапалайнена свидетельствует то, что из семи кандидатов (в том числе Юрьё Сирола, Эмиль Хитонен, Матти Паасивуори) он получил наибольшее количество голосов — 233.

В начале XX века профсоюзная деятельность была весьма неблагоприятным занятием. Профессиональные союзы боролись за право вести переговоры об условиях трудовых договоров с работодателями, но казна их была скромной, а уровень организации довольно низким. Многочисленные трудовые споры, как правило, рабочие проигрывали, работодатели же активно использовали локауты. ПОФ была тесно связана с СДПФ, и первый её председатель вознамерился превратить союз в активную боевую организацию. Владея несколькими иностранными языками, Хаапалайнен начал свою деятельность с переводов работ о европейском рабочем движении^[17] и брошюр-агиток^[18], в которых призывал рабочих присоединиться к профсоюзной борьбе. В 1908 г. он становится главным редактором газеты ПОФ «Suomen Ammattijärjestö», оставаясь на этом посту до 1918 г.[19].

Пост председателя ПОФ ему пришлось покинуть раньше, в 1911 г., из-за пьяного скандала в ресторане городского отеля в Хямеенлинне. В нетрезвом виде Хаапалайнен, согласно полицейскому отчёту, «кидал в джентльменов крабовыми панцирями и производил неприятный шум»[20]. Тогда впервые его пристрастие к спиртному становится предметом публичного обсуждения[21], хотя проблемы с алкоголем у него были и раньше. Свою первую судимость за пьянство он получил в 1907 году, когда, согласно приговору суда, «в пьяном виде беспокоил прохожих на Эспланаде в Хельсинки, сопротивлялся и оскорблял полицию, а также вел себя агрессивно в полицейском участке»[22]. В 1909 году он был приговорен к трём месяцам тюремного заключения «за пьянство, буйство и сопротивление полиции»[23].

Неоднозначное поведение председателя ПОФ становится предметом насмешек со стороны буржуазной прессы. Правый шведоязычный сатирический журнал «Fugen» карикатурно изображал Хаапалайнена то с пистолетом в руках, называя его Юокахайненом партии[24], то в похмельном бреду, обыгрывая «крабовую историю» в Хямеенлинна[25]

Пристрастие к алкоголю, сохранявшееся всю жизнь, тем не менее не влияло на работоспособность и творческую деятельность Хаапалайнена. Работу в ПОФ он продолжил в качестве руководителя Лесопильного союза (1912–1918)[26], сосредоточившись на агитационно-издательской работе. В 1911–1917 годах Хаапалайнен пишет три книги о взаимоотношениях трудовых коллективов и профсоюзов с работодателями, обосновывая необходимость заключения между ними

коллективных, а не индивидуальных договоров[27]. Книги оказались чрезвычайно актуальными и востребованными, а в финском языке благодаря ему появляется новое слово «коллективный договор» («työehtosopimus»), которое широко используется и сегодня[28]. Он был также редактором первых четырёх томов пятитомного труда по истории профсоюзов Европы, США и международных рабочих организаций[29].

У организатора и участника более чем 140 экономических и политических стачек, забастовок, маевок и уличных демонстраций были, конечно, и более серьезные столкновения с полицией. В 1909 г. Хаапалайнена привлекали по делу о взрыве порохового склада под Хельсинки, но доказать его вину тогда не смогли. В 1914 г. ему все же пришлось отсидеть три месяца в тюрьме за политическую агитацию[30].

Естественно, что и в бурных событиях 1917–1918 гг. Ээро Хаапалайнен проявил себя как решительный сторонник самых радикальных революционных мер. В ноябре 1917 г., в разгар всеобщей забастовки, на съезде ПОФ её бывший председатель призвал товарищей последовать примеру русских и выразил уверенность в победе революции. 21 ноября делегация Красной гвардии во главе с Хаапалайненом явилась на заседание социал-демократической фракции сейма и потребовала отменить решение о прекращении всеобщей забастовки и совершить революцию по русскому образцу. Это требование было повторено несколько дней спустя на чрезвычайном съезде СДПФ, где Хаапалайнен заявил, что промедление со взятием власти в свои руки только наносит вред делу рабочих[31].

В январе 1918 г. Ээро Хаапалайнен возглавил Рабочий исполнительный комитет, взявший курс на революцию. 27 января он подписал знаменитое воззвание к народу Финляндии, провозгласившее переход власти в стране в руки организованных рабочих[32]. В созданный день спустя революционным правительстве Хаапалайнен занял пост уполномоченного по внутренним делам и главнокомандующего Красной гвардии[33].

Гражданская война в Финляндии длилась недолго. Дела у красных шли всё хуже, положение на фронтах становилось критическим. В разгар сражений горячая, нетерпеливая натура главнокомандующего вновь сыграла с ним злую шутку: Хаапалайнен периодически срывался, принимал необдуманные решения, сильно пил. Во время инспекционной поездки в Тампере он напился и повздорил с командующим фронтом Вилппула Эркки Карьялайненом. Командующий Северным фронтом красных Хуго Салмела в марте 1918 г. в сердцах заявил, что ждать помощи от него не приходится, «этот человек может только орать»[34]. В конце концов с поста главнокомандующего Хаапалайнен был снят, а в апреле за пьянство, неадекватное поведение и неосторожное обращение с оружием арестован. 23 апреля Красный военный суд Выборга приговорил его к лишению жалованья на 25 суток и отправке на фронт рядовым[35]. Вступить в силу это решение не успело, Хаапалайнен остался в числе офицеров, командовавших Выборгским фронтом.

После высадки в Финляндии немецких войск, взятия Тампере и Хельсинки, Выборг оставался последним оплотом красных, там с начала апреля находились революционное правительство и Главный штаб Красной гвардии. В ночь на 26 апреля 1918 г. руководители финской революции покинули сражающийся Выборг на корабле «Меркатор», взяв курс на Петроград. Ээро Хаапалайнен эвакуироваться отказался и оставался со своими бойцами до конца. Он, как и Эдвард Гюллинг, считал невозможным для себя предать товарищей, бросив их на произвол судьбы[36]. Последним пароходом из Выборга в Советскую Россию уехала и семья Хаапалайнена — жена Найми, медсестра красного госпиталя, с тремя маленькими детьми. Сам он сумел бежать в Петроград в мае 1918 г. на небольшой моторной лодке[37].

Сразу после приезда в Советскую Россию, в июне 1918 г., Ээро Хаапалайнен был назначен военкомом полка особого назначения, сформированного в Перми из финских красногвардейцев-добровольцев[38] — эти финские части Красной Армии должны были сражаться против Колчака. Тогда же, летом 1918, Хаапалайнен принял участие в работе учредительного съезда Компартии Финляндии, состоявшегося в Москве, и вступил в члены РКП(б)[39].

Должность военкома Красной Армии стала последней в военной карьере Хаапалайнена. В декабре 1918 г. он был демобилизован и направлен на работу в Центральное бюро финских организаций при ЦК РКП(б)[40]. Одной из основных его задач в то время было оказание помощи финским эмигрантам и их семьям. Весной 1919 г. Хаапалайнен вместе с Эдвардом Торниайненом и Отто Вильми по мандату Ленина организовал на Украине, под Киевом, санаторий для 500 инвалидов-красногвардейцев[41]. Правда, с наступлением войск Деникина санаторий пришлось срочно эвакуировать обратно в Петроград. В 1919–1920 гг. он преподавал на курсах финских красных командиров в Петрограде и был агитатором в 6-м финском полку.

Когда в июне 1920 г. была образована Карельская трудовая коммуна, которую возглавил Эдвард Гюллинг, Ээро Хаапалайнена командировали в Петрозаводск. Он работал в Совете народного хозяйства республики, возглавлял Информационное бюро при Карисполкоме[42]. Пригодился и его богатый журналистский опыт: Хаапалайнен был редактором первых двух выпусков финноязычной газеты Карелии «Karjalan Kommuni», увидевшей свет осенью 1920 г.[43].

В руководстве республики в те годы было мало людей с хорошим образованием. Знания, эрудицию и огромный политический опыт Хаапалайнена ценили и уважали, однако неукротимый нрав бывшего главнокомандующего доставлял много хлопот партийным властям. Независимый характер Хаапалайнена не позволял ему подчиняться партийной дисциплине, он спорил с начальством, не выполнял приказы, желая делать всё по-своему, и, как многие финские иммигранты в то время, сильно пил. Алкогольные девиации иммигрантов носили во многом характер ретритизма — кто-то не смог смириться с поражением 1918 года и адаптироваться в новой социальной среде, кто-то не понимал и не принимал волюнтаризм большевиков и царящую вокруг нищету, кто-то просто скучал по родине.

В 1922 г. Карельский обком РКП(б) попытался отправить Хаапалайнена «для исправления» в Ухту (поселок на севере Карелии, современное название — Калевала). Он ехать отказался, сославшись на тяжелое семейное положение. Тогда дело закончилось выговором, но в начале 1923 г. Информационное бюро при Карисполкоме было ликвидировано, и Хаапалайнен, у которого на

руках были жена и трое детей, остался без работы. На этот раз республиканские власти решили послать его в Москву, в распоряжение Центрального бюро финских организаций. Хаапалайнен снова отказался куда-либо ехать, получил строгий выговор с занесением в личное дело и в конце концов оказался в Ухте на должности переводчика уездного исполкома. Тем временем между Карельским обкомом и Центральным бюро финских организаций завязалась оживленная переписка относительно судьбы бывшего главкома. Похоже ни Москва, ни Петрозаводск не желали иметь у себя столь независимого и неконтролируемого работника[44]. Возникла даже идея направить его в США для работы в Финском бюро Рабочей партии Америки (WP USA), но этому воспротивились уже американцы: член ЦИК РПА Израэль Амтер попросил Секретариат ИККИ заменить Хаапалайнена «другим товарищем»[45].

Последний раз Ээро Хаапалайнена попытались использовать на ответственной партийной работе в 1925 г., когда финским бюро Коминтерна он был послан в командировку в Германию. Кончилось это плачевно. Его очередная пьяная выходка привела чуть ли не к провалу всей работы и 30 марта 1925 г. Ээро Хаапалайнен, «несмотря на революционные заслуги, высокую развитость и образование», был исключен из РКП(б)[46].

Исключение из партии не сломило дух старого революционера. Вернувшись в Ухту, он в том же 1925 г. во время пере выборов в местный совет организовал фракцию беспартийных кандидатов в депутаты[47]. Ничего незаконного в его действиях не было, в 1920-е годы в Карелии большинство членов местных советов были беспартийными. Тем не менее с этого времени Хаапалайнен окончательно попадает под негласный надзор ОГПУ.

Пять лет Ээро Хаапалайнен жил и работал в Калевальском крае, став одним из создателей лесопромышленного комплекса на севере Карелии[48]. Одновременно он продолжал заниматься журналистикой, редактировал местную газету, преподавал на курсах финского языка, писал учебники для детей и взрослых[49].

В 1930-е годы начинается новый, может быть, самый значимый для Карелии этап в его жизни. В мае 1931 г. Ээро Хаапалайнен возглавил историко-революционную секцию только что созданного Карельского научно-исследовательского института (КНИИ)[50]. Это было первое академическое учреждение республики, и Хаапалайнен, по сути, стал первым профессиональным историком края. Кроме него в штате секции числился лишь один человек — нарком просвещения Юрье Сирола, занимавший должность консультанта[51]. Вся работа велась при помощи временно создаваемых бригад, трудившихся над сбором материалов по той или иной теме и готовивших их к печати. Хаапалайнен старался привлекать к себе в помощники наиболее квалифицированных и подготовленных людей. В разное время с ним работали Степан Макарьев, Николай Хрисанфов,

Лаури Летонмяки, Николай Виноградов, Эмиль Паррас и др.

Здесь следует напомнить об изменениях, происходивших в исторической науке того времени. Академическое дело 1929–1931 гг. кардинально изменило прежний российский историографический ландшафт, надолго превратив историков в послушное орудие советской пропагандистской машины. С подачи Сталина существенно меняется и понимание того, что должно являться основной источниковой базой исторических исследований. Его открытое письмо в журнал «Пролетарская революция» стало серьёзным ударом по источниковедению, поскольку архивные разыскания в нём были названы «копанием в случайно подобранных бумагах», а исследователи, строившие свою работу на основе архивных материалов — «архивными крысами»[52]. Письмо было воспринято Центральным архивным управлением, созданным при ВЦИК в 1929 г., как «важнейшая политическая директива» и руководство к действию. Следствием реорганизации, произошедшей в архивном деле в начале 1930-х гг. стало то, что архивы начинают работать в режиме бесконечных ограничений и запретов, а приоритетами в работе ЦАУ становится не использование архивов в научных целях, а их охрана и контроль над использованием документов[53]. В целом письмо Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция» вызвало огромный резонанс, оказало сильнейшее влияние на развитие советской историографии и определило основные направления исторических исследований, главными из которых стали история партии большевиков, рабочее движение, российские революции и гражданская война.

Тогда же, в 1931 г., выходит постановление ЦК ВКП (б), одоббившее инициативу А. М. Горького по изданию для широких трудящихся масс многотомной «Истории гражданской войны». Особую значимость издания и его официальный государственный характер подчеркивало включение в главную редакцию И. В. Сталина и таких известных в стране людей, как А. М. Горький, В. М. Молотов, К. Е. Ворошилов, С. М. Киров, А. С. Бубнов и Я. Б. Гамарник[54]. Созданию фундаментального труда придавался всесоюзный размах: в помощь редколлегии привлекались партийные, советские и военные работники республик, краёв и областей СССР. Из их числа формировались комиссии содействия, призванные заниматься сбором документов и воспоминаний, составлением биографий активных участников гражданской войны[55].

Это направление — сбор материалов по истории революционного движения и гражданской войны на северо-западе России — стало основным в работе историко-революционной секции КНИИ под руководством Хаапалайнена. При этом уделялось внимание событиям, происходившим не только в Карелии, но и в Финляндии: в пограничной республике, во главе которой стояли финны-иммигранты, подобный подход к исследованию темы выглядел вполне логично. Планы были обширны, шла работа по сбору воспоминаний участников революционных событий и гражданских войн в Финляндии и Карелии, составлялись истории крупных предприятий и совхозов республики, таких как Онежский тракторный завод, Петрозаводская лыжная фабрика, сельскохозяйственная коммуна *Säde*, совхоз № 2 и т. д.[56]. Комплекс материалов, накопленных в секции Хаапалайнена за пять лет его работы, огромен и до сих пор они представляют значительный научный интерес. Так, для альбома «Красные партизаны» к осени 1935 г. Ээро Хаапалайненом было собрано и отредактировано 606 автобиографий, из них 383 биографии финских красногвардейцев и 223 русских и карельских партизан[57].

Издать удалось гораздо меньше. В 1931–1935 гг. вышло несколько сборников под редакцией Хаапалайнена и его исследований, посвященных гражданской войне, социалистическому строительству в Карелии, революционным событиям 1905–1906 гг. в Финляндии[58]. Последней работой, которую ему удалось опубликовать (и которая сразу же была изъята из библиотек), была книга «*Kommini Kylväjä*» о сельскохозяйственной коммуне, созданной американскими финнами на Северном Кавказе в начале 1920-х годов[59]. Большинство собранных материалов, в том числе и рукописи, почти готовые к печати, остались лежать невостребованными в архиве института. Некоторые из них безвозвратно утеряны.

В 1935 г. в республике произошли большие перемены, коснувшиеся и жизни КНИИ. 30 июня в газете «Красная Карелия» появилась статья В. Новицкого, в которой резко критиковалась деятельность института и его историко-революционной секции за «отсутствие классовой бдительности в работе». В ответ Хаапалайнен пишет обширную записку «Несколько слов о работе историко-революционной секции КНИИ», где подробно освещает основные направления деятельности своего подразделения, отчитывается о проделанной работе, доказывая несостоятельность обвинений в его адрес [60]. Опровержение опубликовано не было.

Основные события развернулись осенью, после того как в сентябре 1935 г. на V пленуме Карельского обкома партии была провозглашена борьба с «финским буржуазным национализмом». Руководители республики Эдвард Гюллинг и Густав Ровио были отозваны в Москву, газеты запестрели разоблачительными статьями, тщательной проверке, а иногда и разгрому подвергались целые парторганизации [61]. 28 октября приказом по институту Ээро Хаапалайнен был освобожден от руководства историко-революционной секцией «как немогущий обеспечить правильное политическое направление работы». Из научных планов были вычеркнуты темы по изучению истории совхоза № 2 и коммуны *Säde*. Тем же приказом № 128 бывший зам. директора института, коллега Хаапалайнена, Степан Макарьев отстранялся от составления и редактирования «Истории Карелии», карельской энциклопедии, и работы над монографией «Вепсы» [62]. За два дня до этого, 26 октября 1935 г., Макарьев был арестован органами НКВД как активный участник контрреволюционной националистической группы [63].

Ээро Хаапалайнен пока оставался в институте на должности научного сотрудника, однако уже 1 ноября 1935 г. последовал новый приказ об увольнении его с работы «за непригодность» [64]. Других репрессивных актов в отношении него тогда не последовало. Формально он считался пенсионером, вместе с тем власти постарались сделать все, чтобы вычеркнуть Хаапалайнена не только из жизни, но и из истории. Имя его безжалостной рукой цензоров старательно вымарывалось с титульных листов изданий, подготовленных им к печати, статьи из сборников вырезали, книги уничтожали или прятали в спецхран. До сих пор трудно восстановить полный список трудов Хаапалайнена.

«Неистовый Ээро» оставался верен себе до конца жизни. Осенью 1937 г., когда по всей стране НКВД вело охоту за участниками так называемой «финской буржуазной организации», Ээро Хаапалайнен призвал финнов к восстанию с целью освобождения из тюрьмы Эдварда Гюллинга. Во время собственного ареста в день рождения 27 октября 1937 г. он набросился на сотрудников НКВД с кулаками и попытался выгнать их из квартиры [65].

Обвинения, предъявленные Хаапалайнену, были стандартны: участник контрреволюционной националистической организации, враг народа. Виновным себя он не признал. 27 ноября 1937 г. Ээро Хаапалайнен по постановлению тройки НКВД КАССР (ст. 58-10-11 УК РСФСР) был расстрелян в окрестностях Петрозаводска. Реабилитирован 7 мая 1956 г. Военным трибуналом

Северного военного округа[66].

В 1989 г. в Куопио на улице Минны Кант 49 была установлена мемориальная доска с надписью, что в этом месте стоял дом, где родился главнокомандующий Красной гвардии Ээро Хаапалайнен. Автор произведения Риитта Хуттунен образно и точно изобразила водоворот его жизни, правда год смерти указан неверно[67]. Тогда же, в 1989 г., в Петрозаводске при проведении земляных работ были обнаружены первые массовые захоронения людей, расстрелянных в годы Большого террора (первоначально в районе Сулажгорского кирпичного завода, затем в районе посёлка Бесовец). В 1991–1993 гг. найденные останки — около 400 человек — были перезахоронены в братской могиле на Зарецком кладбище в Петрозаводске. На месте захоронения сооружен мемориальный комплекс, где на трех гранитных плитах выбиты имена 38 человек расстрелянных в ночь на 27 ноября 1937 г., в том числе и имя Ээро Хаапалайнена (с ошибочной датой рождения)[68].

Там, где родился Хаапалайнен, стоит совсем другой, современный дом, но финны, несмотря на травму 1918 года, на десятилетия расколовшую общество, установили мемориальную доску своему соотечественнику. Место его гибели доподлинно нам не известно. В окрестностях Петрозаводска в 1937–1938 гг. было расстреляно около 4,5 тысяч человек. Зарецкий мемориал — это условное место памяти, никак не соотносящееся с расстрельными полигонами, на которых вырос послевоенный Петрозаводск.

О сложностях изучения биографий иммигрантов

Реконструированная нами биография Ээро Хаапалайнена не может считаться полной. Это, по типологии, предложенной итальянским историком Джованни Леви^[69], скорее «контекстуальная биография», в которой реконструкция социального контекста — исторических событий той переломной эпохи, среды и окружения Хаапалайнена — позволила отчасти заполнить источниковые лакуны и воссоздать портрет этой неординарной личности. Но проблемы с поиском источников, в том числе и эго-документов, а также с доступом к ним остаются.

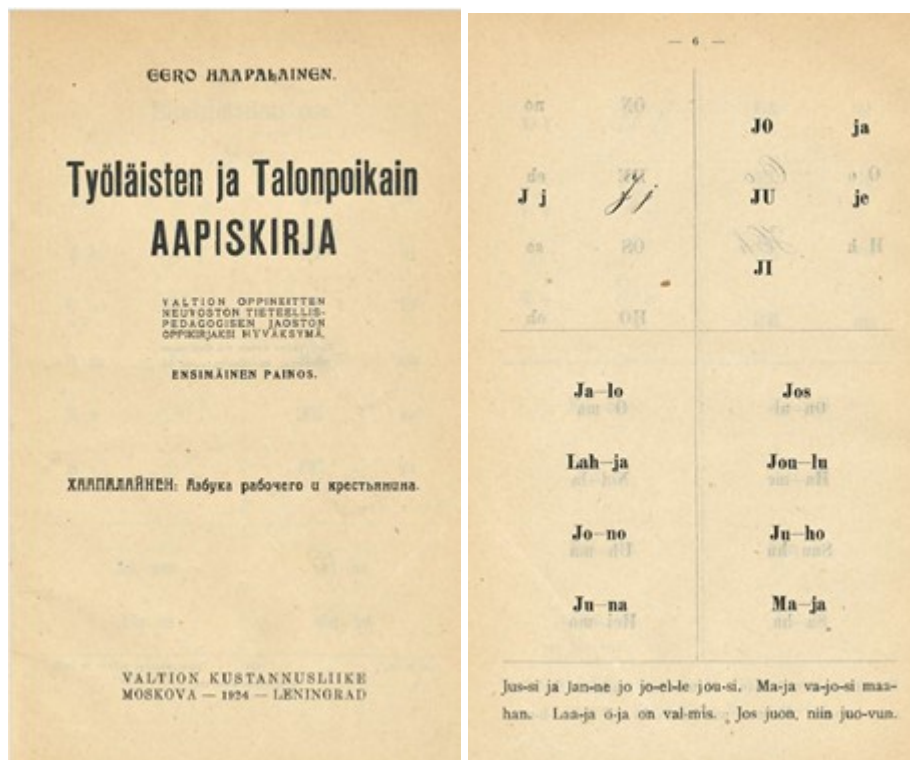
Конечно, любой историк сталкивается с проблемой наличия или недостаточности, доступности или недоступности исторических источников, но в случае с иммигрантами, к тому же репрессированными в СССР 1930-х гг., эта проблема ещё больше усугубляется. Сведения, необходимые для написания таких биографий, часто бывают утрачены или намеренно сфальсифицированы. Многие из этих людей не оставили после себя дневников или мемуаров, письма в семьях не сохранились, а отложившиеся в архивах эго-документы (автобиографии, анкеты, объяснительные записки и т. п.) не всегда позволяют адекватно судить о личности субъекта, тем более, если речь идёт о партийных фондах. Всегда следует помнить, что умение писать правильную, подлинно советскую и большевистскую автобиографию было важнейшим навыком члена ВКП(б). В случае с финнами-иммигрантами приходится учитывать и то, что писались многие из этих документов не на родном языке, либо вовсе представлены в чьём-то

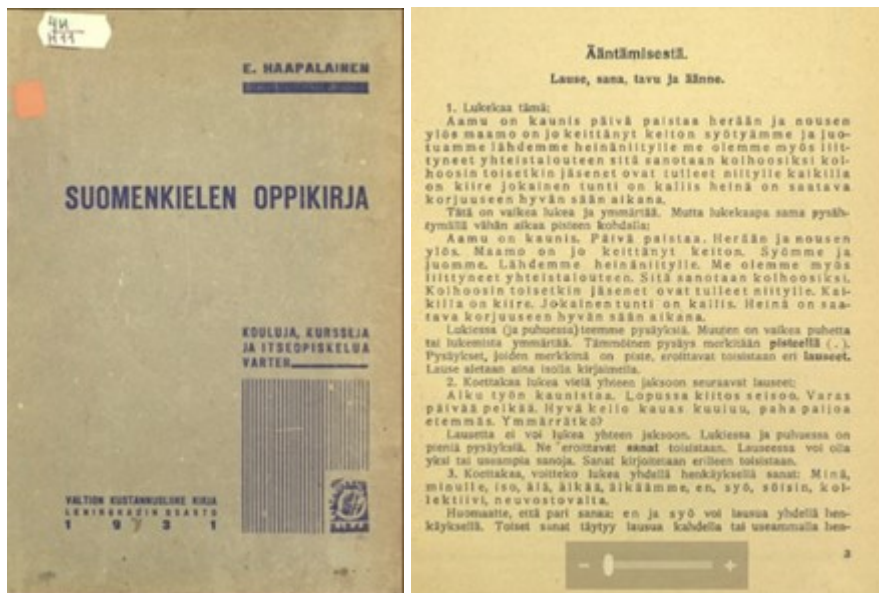
переводе. Практически все красные финны были членами ВКП(б) и в партийных автобиографиях они предпочитали рассказывать лишь о своих революционных заслугах, опуская лишние сведения о семье, заграничных родственниках и вообще о финляндском периоде жизни.

Эро Хаапалайнен, в отличие от многих своих товарищей, оставил значительное творческое наследие, которое ещё ждёт своего исследователя. Например, очень интересным представляется анализ написанных им букварей для взрослых. Есть целый пласт исследований, анализирующих так называемые «буквари революции», назначением которых была не только ликвидация неграмотности, но и идеологическое воспитание, внедрение в массовое сознание новой государственной идеологии и революционной лексики. К сожалению, советскими финноязычными азбуками для взрослых, целевой аудиторией которых было прежде всего карельское население, практически никто не занимался [70], хотя даже беглое знакомство с одним из букварей Хаапалайнена — «Työläisten ja talonpoikain aapiskirja» («Азбука рабочего и крестьянина»), 1924 г. — порождает множество исследовательских вопросов. В какой степени финский революционер-иммигрант, выходец из общества с почти 100% грамотностью, был знаком со своей целевой аудиторией — карельским крестьянином, с русскими букварями, с методиками и дидактическими приёмами советского просветительского проекта?

Структура его азбуки и рекомендации учителю наводят на мысль, что он видел, по крайней мере, учебное пособие Н. А. Алчевского 1919 г. [71]: такое же (с учётом особенностей финского языка) пошаговое знакомство с буквами, словами, разбитыми на слоги, короткими предложениями. Тексты для чтения во второй части тоже вполне отвечали просветительским и политико-идеологическим аспектам кампании по ликвидации неграмотности: Советская власть, Красная армия, коммунистическая партия, профсоюзы, эмансипация женщин, финский перевод «Интернационала» Эжена Потье. Однако примеры некоторых слов и предложений под разными буквами алфавита свидетельствуют о том, что тщательный лингвистический и текстуальный анализ букварей Хаапалайнена мог бы нам больше рассказать об авторе и его представлениях об окружающей действительности [72].

Ещё больший интерес может представлять анализ учебника финского языка Хаапалайнена предназначенного для школ, курсов и самостоятельного изучения [73].

Учебник был опубликован в Ленинграде в 1931 г. и подвергся жестокой критике. Например, ленинградская финноязычная газета «Varaus» писала, что весь учебник наполнен «гнилым либерализмом и троцкизмом», опирается на буржуазное языкознание и вообще «попахивает упрощенным языком буржуазии», где слова используются, чтобы «попытаться запутать реальную классовую природу дела». Приводимые Хаапалайненом в качестве примеров пословицы и поговорки были названы «кулацкими лозунгами в откровенно троцкистской форме»^[74]. Позже, при аресте в 1937 г., ему эти троцкистские обвинения припомнили. По мнению следователей ещё в 1926 г. он «создал контрреволюционную троцкистскую группировку в с. Ухта, устраивал нелегальные собрания этих групп и проводил троцкистскую агитацию»^[75].

Научное наследие Хаапалайнена тоже остаётся ещё неисследованным. Важно было бы проанализировать и сравнить с русскоязычными работами не только его опубликованные книги и статьи, но и подготовительные материалы к ним — заметки, готовые рукописи, черновики, собранные воспоминания. Многие из этих воспоминаний так и не увидели свет поскольку не укладывались в официальные рамки описания событий гражданской войны на Севере^[76]. К сожалению, часть материалов историко-революционной секции была уничтожена после ареста Хаапалайнена, а оставшиеся в архиве КарНЦ РАН, прежде всего финноязычные, всё ещё ждут своего исследователя.

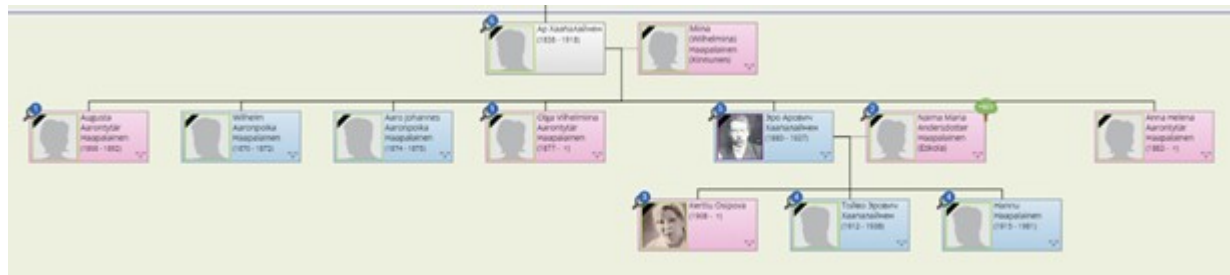
Очень мало сохранилось сведений о личной жизни и семьях иммигрантов. Атмосфера страха, царившая среди финнов Карелии конца 1930-х гг., заставляла родственников репрессированных уничтожать их личные письма, дневники, фотографии. Долгие годы судьба арестованных членов семьи оставалась неизвестной и о них предпочитали публично не вспоминать. Со сменой поколений биографии всё больше фрагментировались, а табуирование на государственном уровне вклада финнов в строительство карельской автономии и их имён на десятилетия вычеркнули этих людей из нашей исторической памяти.

Сегодня, когда доступ к материалам ведомственных архивов России крайне затруднён (как и возможность работать в финляндских архивах, к сожалению), оставшиеся лакуны помогает восполнять новый вид источников — интернет-ресурсы. Имеются в виду прежде всего генеалогические и биографические порталы, личные сетевые блоги, оцифрованные документы и книги, а также базы данных жертв политических репрессий в СССР.

В случае с Хаапалайненом они позволили установить имена его родителей, сестёр и братьев, судьбы детей, подробности биографии финляндского периода жизни. Вместе с тем эти сведения тоже нуждаются в уточнении и верификации.

Генеалогические сайты MyHeritage и Geni (свыше 71 миллиона пользователей) свидетельствуют о

том, что на детях Ээро Хаапалайнена оборвалось прямая линия семьи, родоначальником которой (глубже не прослеживается) был Матти Хаапалайнен (примерно 1680 г. р.)^[77]:

Двое братьев Ээро умерли в младенчестве и это объясняет стремление небогатых родителей вложить средства в образование единственного оставшегося в живых сына. Старшая сестра Августа погибла 8 августа 1892 года в результате крушения парохода «Аякс». Авария произошла, когда корабль возвращался из Порвоо, где Августа, возможно, праздновала свой 24-й день рождения. «Аякс» в темноте столкнулся с гребным судном «Рунеберг» в результате чего затонул, унеся с собой 38 человек^[78]. Годы смерти матери (Миина Хаапалайнен, ур. Киннунен, 1842 г. р.) и двух сестёр (Ольги и Анны), как и их судьбы, остаются не известными. О том, что в конце века у матери уже была собственная лавка^[79], Хаапалайнен в советских автобиографиях не писал.

Практически ничего не известно о жене Ээро Хаапалайнена Найме Марии, ур. Эскола, 1879 г. р. Первый раз он женился в 1905 г. на Вере Козлофф, происходившей из «старых русских» Финляндии. Брак был недолгим — в 1909 г. пара развелась, в решении суда причиной развода называлась измена мужа^[80]. После развода Хаапалайнен женился на Найме Марии Эскола, первый ребенок у пары — дочь Кертту — родился уже в 1908 году. Сведения о судьбе Наймы Марии после ареста мужа и о достоверном годе её смерти надо искать в наших архивах. Как это ни парадоксально, пока не удалось найти и год смерти дочери Хаапалайнена Кертту Ээровны Осиповой, хотя в 1950-60-е гг. она была известным в Петрозаводске врачом.

В семье было ещё два сына — Тойво (1912–1938) и Ханну (1915–1981). Тойво Хаапалайнен работал инженером-технологом на Петрозаводской лыжной фабрике. Введённая в эксплуатацию в 1931 г. фабрика считалась одной из важных новостроек СССР периода первой пятилетки, была хорошо оборудована для своего времени и снабжала лыжами как гражданское население, так и Красную Армию. Значительных успехов предприятие добилось и в производстве товаров широкого потребления — различной деревянной мебели^[81]. Директором фабрики был красный финн, талантливый инженер, спроектировавший и построивший механический завод шпалопиления, Илья Туомайнен. По установкам Наркомтруда, предприятие на 75 % было укомплектовано национальными кадрами: в 1934 г. из общего числа занятых на фабрике рабочих 15 % были карелами и 60% финнами^[82]. К 1937 г. Петрозаводская лыжная фабрика была одним из лучших предприятий Карелии, производила четверть всех лыж, сделанных в стране, они считались лучшими в Советском Союзе и были, по заключению экспертов, близки к мировым стандартам.

В годы Большого террора на фабрике была репрессирована треть всех работников-финнов — свыше 100 человек. Одним из них был 25-летний Тойво Хаапалайнен. После ареста в июле 1937 г. директора фабрики Ильи Туомайнена газеты обрушились на всю «националистическую банду» предприятия. В день начала Большого террора 5 августа 1937 г. газета «Punainen Karjala» сообщила об исключении из комсомола «националиста» Хаапалайнена, который «рационализировал» производство так, что это привело к снижению производительности труда^[83]. Арестован он был год спустя, 29 июня 1938 г. и по приговору Особой тройки НКВД Карельской АССР (20.09.1938, ст. 58–6 УК РСФСР — шпионаж) был расстрелян 21 сентября в окрестностях г. Петрозаводска. Реабилитирован 4 сентября 1956 г. Военным трибуналом Северного военного округа^[84].

О Ханну Хаапалайнене известно очень мало. Во время войны он жил в г. Тавда Свердловской области и 20 декабря 1942 г. был мобилизован Тавдинским райвоенкоматом в трест «Челябметаллургстрой», став рядовым печально известной «трудовой армии» НКВД^[85]. После

освобождения («демобилизации») в августе 1946 г.[\[86\]](#) следы его теряются.

Борьба с «финским буржуазным национализмом», развёрнутая в Карелии осенью 1935 г. тоже нуждается в дальнейшем исследовании и фундированный анализ биографий иммигрантов мог бы здесь многое прояснить. Представляется, что отчасти кампания была спровоцирована действиями финляндских праворадикальных движений, которая внимательно отслеживалась органами безопасности СССР, давая им повод к массовым репрессиям внутри собственной страны[\[87\]](#). Например, подозрительное отношение к находящемуся под надзором ОГПУ/НКВД Хаапалайнену могла усилить кампания, развязанная против него в финляндской шюцкоровской прессе в первой половине 1935 г.[\[88\]](#). Правые издания обвиняли Хаапалайнена в том, что в революционные 1905–1907 гг. он сотрудничал с царской охранкой, часто посещал в Хельсинки конспиративную квартиру Бориса фон Люде — начальника финляндского жандармского управления в 1906 г., снабжая его сведениями о Красной гвардии и деятельности СДПФ.

Впервые статья под красноречивым названием «О годах угнетения. Тайное общение Ээро Хаапалайнена с офицером жандармерии. Предатель партии» появилась в январском номере журнала шюцкора округа Раахе «Kuormarengki»[\[89\]](#). Автором её был писатель и по совместительству ответственный сотрудник Центральной сысской полиции Эйно Инто Парманен. Его роман «Чары коммунизма», опубликованный в 1927 г., вызвал неоднозначную реакцию в финляндском обществе, большинство критиков сочло книгу пропагандистской и тенденциозной, больше напоминающую «обвинения по делу о коммунистическом шпионаже» нежели роман[\[90\]](#). Книга рассказывала о жизни финского коммуниста (и двойного шпиона) в Советской России периода гражданской войны. Помимо прочего (Олонецкий поход 1919 г., убийство в клубе Куусинена и тартуские мирные переговоры 1920 г.) много внимания в романе уделялось взаимным спорам коммунистов-эмигрантов, среди персонажей — братья Рахья, Отто Вилле Куусинен, Куллерво Маннер, Юрьё Сирола и Ээро Хаапалайнен[\[91\]](#). Парманен объяснял, что черпал информацию из рассказов очевидцев, которые он слышал, будучи начальником Сортавальского отдела Центральной сысской полиции. Впоследствии он написал четырёхтомную историю финского сопротивления в годы угнетения[\[92\]](#).

Статья о Хаапалайнене, по всей видимости, была из подготовительных материалов к будущей книге. Сообщения об этом появлялись и раньше, в шведоязычной прессе[\[93\]](#), но в феврале-июне 1935 г. статью (иногда под другим названием) напечатали газеты едва ли не всех окружающих отделений шюцкора[\[94\]](#). Степень достоверности информации Парманена никто не проверял[\[95\]](#), статья, порочащая красных финнов, была выгодна многим, в том числе, как выяснилось, и органам НКВД СССР.

Словом, многое в биографии Ээро Хаапалайнена ещё предстоит изучить. Интерпретационные направления его жизнеописания — сопоставление персональной истории с политической и научной биографией (дихотомия индивидуального / коллективного), анализ особенностей поведения, выбора, поисков (то есть того, «что выпадает из общей нормы» по определению Жака Ревеля[\[96\]](#)), психологические детали его портрета — всё это не только расширяет горизонты изучения так называемого «человека второго плана», но и актуализирует феномен фигуры Другого.

Биографии финнов-иммигрантов — это не только истории жизни простых людей переломной эпохи войн и революций, это жизнеописание человека с иными культурными традициями, представлениями, обычаями нежели окружающий их социум. История, показанная через личность иммигранта, может стать эффективным средством познания того общества, в котором они поневоле оказались. Кроме того, это ещё и биография городов, регионов и стран на разных исторических этапах их жизненного пути.

Список литературы

- Беленький, И. Л. Биография и биографика в отечественной культурно-исторической традиции / И. Л. Беленький // История через личность: Историческая биография сегодня. — Москва : Кругъ, 2005. — С. 37–54.
- Дунаева, Ю. В. Биография в современной исторической науке: от микроистории до метабиографии. (Сводный реферат) / Ю. В. Дунаева // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. — Сер. 5. — История: Информационно-аналитический журнал. — 2016. — № 4. — С. 6–14.
- Дунаева, Ю. В. Историческая биография: от персональной истории до философии истории / Ю. В. Дунаева // Историческая экспертиза. — 2023 (Препринт). — URL: Ю.В. Дунаева Историческая биография: от персональной истории до философии истории (istorex.org). — (8.12.2023).
- История через личность: Историческая биография сегодня / Под ред. Л. П. Репиной. — Москва : Кругъ, 2005. — 720 с.
- Коминтерн и Финляндия 1919–1943 : Документы / Под ред. Н. С. Лебедевой, К. Рентолы, Т. Саарелы. — Москва : Наука, 2003. — 420 с.
- Коронен, М. Финские интернационалисты в борьбе за власть Советов / М. Коронен. — Ленинград : Лениздат, 1969. — 224 с.
- Леви, Дж. Биография и история / Дж. Леви // Современные методы преподавания новейшей истории. — Москва : ИВИ РАН, 1996. — С. 191–206.
- Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / отв. ред. А. О. Чубарьян. — Москва : Аквилон, 2014. — 576 с.
- Ревель, Ж. Биография как историографическая проблема / Ж. Ревель. — Москва : РГГУ, 2002. — 57 с.
- Репина, Л. П. «Новая историческая наука» и социальная история / Л. П. Репина. — Изд. 2-е, испр. и доп. — Москва : Изд. ЛКИ, 2009. — 320 с.
- Репина, Л. П. От исторической биографии к биографической истории / Л. П. Репина // В тени великих: образы и судьбы: Сборник научных статей : Алетейя. — Санкт-Петербург, 2010. — С. 5–18.
- Сюкияйнен, И. И. Революционные события 1917—1918 гг. в Финляндии / И. И. Сюкияйнен. — Петрозаводск : Карельское книжное изд-во, 1962. — 312 с.
- Такала, И. Р. Ээро Хаапалайнен — революционер, журналист, ученый (К 115 годовщине со дня рождения) / И. Р. Такала // Политическая история и историография (От античности до современности). — Петрозаводск : Изд-во Петрозаводского гос. ун-та, 1996. — Вып. II. — С. 187–193.
- Холодковский, В. М. О позиции руководителей социал-демократии Финляндии во время революционной ситуации в ноябре 1917 г. / В. М. Холодковский // Вопросы истории Европейского Севера. — Петрозаводск : Изд-во Петрозаводского гос. ун-та, 1979. — С. 86–99.
- Хорхордина, Т. И. Архивы в «Зазеркалье»: архивоведческая культура тоталитарных режимов / Т. И. Хорхордина // Россия. XX век: Советская историография. — Москва : РГГУ, 1996. — С. 191–214.
- Naapala, P. Sisällissodan pikkujättiläinen / P. Naapala, T. Hoppu. — Helsinki : WSOY, 2009. — 502 s.
- Harjula, M. Suomalaiset Venäjän sisällissodassa 1917–1922 / M. Harjula. — Helsinki : SKS, 2006. — 700 s.